

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-321-327>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн:
Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе.
М.: РОССПЭН, 2018. 669 с.**

В.Э. Багдасарян^а, С.И. Реснянский^б, А.А. Бакаев^с

^аМосковский государственный областной университет,
105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10а,
vardanb@mail.ru

^бРоссийский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6,
s-r44@yandex.ru

^сМИРЭА – Российский технологический университет,
107076, Россия, Москва, ул. г. Москва, ул. Стромынка, 20,
a_bakaev52@mail.ru

Для цитирования: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И., Бакаев А.А. Рецензия на книгу: Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: РОССПЭН, 2018. 669 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 321–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-321-327>

BOOK REVIEW:

**Soldatenko, V.F. *V gornile revolyutsiy i voyn:
Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskie esse
[In the Crucible of Revolutions and Wars: Ukraine in 1917–1920:
Historical and Historiographic Essays]*.
Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. 669 p.**

Vardan E. Bagdasaryan^а, Sergey I. Resnyansky^б, Anatoly A. Bakaev^с

^аMoscow State Regional University, 10A, Radio St., Moscow, 105005, Russia,
vardanb@mail.ru

^бRUDN University, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia,
s-r44@yandex.ru

^сMIREA – Russian Technological University, 20, Stromynka st., Moscow, 107076, Russia,
a_bakaev52@mail.ru

For citation: Bagdasaryan, Vardan E., Resnyansky, Sergey I., and Bakaev, Anatoly A. “Book review: *V gornile revolyutsiy i voyn: Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskie esse [In the Crucible of Revolutions and Wars: Ukraine in 1917–1920: Historical and Historiographic Essays]*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. 669 p.”. *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 321–327. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-321-327>

История, как известно, используется в современном мире не только как средство научного познания прошлого (познавательная функция) и не только как институт коллективной памяти социума (социальная функция), но и в качестве политического инструмента. В широкий оборот вошло понятие «историческая политика», используемая в настоящее время даже на уровне властного дискурса отдельных государств. Между тем политика по самой своей природе предполагает борьбу, конфликты внутригосударственные и межгосударственные. Историческая политика оказывается тесно сопряжена с «войнами памяти». И если прежде «войны памяти» оказывались способом перенесения в прошлое актуального политического конфликта, то сегодня они, напротив, зачастую предшествуют ему. Вначале эскалация напряженности имеет место в проекции прошлого, а далее при переходе некоего порогового значения перерастает в конфликт политический и даже – военно-политический.

Именно такая сценарная последовательность имела место в современном генезисе конфликта на Украине и предельного обострения украинско-российских отношений. Исходно этот конфликт являлся историко-литературным и был определен расхождениями в интерпретации прошлого. Далее он вышел на уровень «войны памяти», а следующим шагом фактически гражданской войны с балансировкой на грани межгосударственного столкновения.

Но если с помощью истории можно катализировать политический конфликт, то, соответственно, можно и погасить, снять напряженность в отношениях между сторонами. Прием такого рода деэскалации является, в частности, историографический диалог, когда выстраиваются мосты, сближающие стороны конфликта, нивелируются радикальные акценты интерпретаций. Известен также прием деэскалации «войн памяти» в межгосударственных отношениях как разработка единого, включающая позиции обеих сторон конфликта, исторического нарратива. В качестве попытки выстраивания историографического моста между условно украинской и условно российской позициями в отношении к прошлому книга В.Ф. Солдатенко «В горниле революций и войн. Украина в 1917–1920 гг. историко-историографические эссе».

Фигура автора книги уже сама по себе вызывает применительно к заявленной теме большой интерес. Член-корреспондент Национальной академии наук Украины В.Ф. Солдатенко возглавлял в 2010–2014 гг. в период президентства В.Ф. Януковича Украинский институт национальной памяти, то есть фактически стоял у руля исторической политики государства во время временного потепления российско-украинских отношений. Уже после произошедшего на Украине государственного переворота и ухода с должности историк вошел в руководство коалиции «Левая оппозиция».

Обе биографические вехи сопрягаются с отраженными в книге авторскими позициями. Первая позиция состоит в отказе от распространенных в современной украинской историографии и исторической публицистике антироссийских установок, формирования из России образа врага. Автор, рассматривая различные сценарные варианты решения украинского вопроса на интервале 1917–1920 гг., высказывается в пользу модели нахождения Украины и России в составе единого федеративного демократического государства.

Вторая позиция заключается в отказе от сведения исторического нарратива к вопросам этничности. Солдатенко сформировался как историк еще в советские годы, представляя тогда историю революции и гражданской войны на Украине исходя из марксистской платформы. И в рецензируемой книге, признавая значимость этнических вопросов, он в тоже время рассматривает в качестве основного вопрос социальный.

Книга имеет, на первый взгляд, довольно странное название – «историко-историографическое эссе». В действительности же найденная автором форма применитель-

но к рассматриваемой проблематике, вероятно, является наиболее целесообразной. События на Украине 1917–1920 гг. требовалось рассмотреть не только в фактологическом ключе, но одновременно и в ракурсе историографических полемик и интерпретаций. И автор обозначает свою позицию по узловым вопросам повествования – с какой из интерпретаций он согласен или не согласен, к какой склоняется в большей степени, где находит вариант синтеза.

Безусловно, книга В.Ф. Солдатенко является классической монографией, хотя и названа эссе. Используя понятие эссе, автор, вероятно, хотел подчеркнуть, что книга есть результат личных размышлений, не претендующих на официальную позицию. Можно было в принципе вести речь и об историософии событий на Украине как смысловой репрезентации исторических событий.

Сциллой и Харибдой авторских размышлений явились историографические концепты Украинской национальной революции и Единой российской революции 1917 года (С. 5–20). Теория Украинской национальной революции неоправданно, с точки зрения Солдатенко, отрывает революционный процесс на Украине от общероссийского революционного процесса. Более того, она подменяет природу развертывавшегося конфликта, представляя его как столкновение консолидированных украинских сил против противников независимой Украины. Главным противником оказывается в этой версии сообразно с современными политическими стереотипами Россия и ее адепты на украинской территории. Между тем, как справедливо указывает автор: во-первых, политическое движение на Украине далеко не сводилось к движению национальному; во-вторых, среди украинцев отсутствовало политическое единство, и они зачастую оказывались по разные стороны баррикад; в-третьих, не существовало единства и среди российских политических групп по украинскому вопросу.

Принятая в последние годы в российской историографии и нашедшая даже отражение в Историко-культурном стандарте теория о Великой российской революции 1917 г. критикуется в качестве другого крайнего взгляда в интерпретации революционных событий на Украине. Следствием ее принятия стало представление об определенной вторичности происходящих трансформаций на национальных окраинах, периферийности их по отношению к тому, что происходило в центре. Такой подход условно можно квалифицировать как неоимперский. Безусловно, события на национальных окраинах связывались с событиями в Центре, но не были сводимы к ним, представляли во многом по характеру решаемых задач явление исторически самостоятельное.

Выскажем свое мнение, что концепция двух революций – Февральской – буржуазной и Октябрьской – социалистической давала гораздо больше оснований для понимания трансформационных процессов в национальных регионах бывшей империи, не сводя их к единой российской парадигме¹. Февральская буржуазная революция подтолкнула национальные революции, которые в своем развитии приобретали зачастую характер самостоятельного феномена. Именно такого модернизированного в соответствии с украинским контекстом взгляда на генезис революции придерживается В.Ф. Солдатенко. Начавшись в Петрограде, революция переносится далее на Украину (С. 21–84). «Являясь к началу означенного хронологического периода частью Российской империи, – рассуждает автор книги, – Украина, ее народ, с объективной закономерностью оказались вовлеченными в процессы, алгоритм которых во многом, отчасти – даже преимущественно, во всяком случае – даже в первую очередь – задавался из столицы страны – Петрограда» (С. 653). И такая авторская оценка торпедирует, надо сказать, распространенный на Украине миф о длительном генезисе

¹ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Столетие Российской революции 1917 года в фокусе анти-российской исторической пропаганды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 303–322.

национально-освободительной борьбы украинского народа против российского имперского господства. Вопреки этой мифологической установке получалось, что революция не столько вызрела изнутри, как оппозиция имперскому центру, сколько была самим этим имперским центром транслирована в регион.

В качестве исторического аналога этой ситуации можно было бы рассмотреть более близкую к современности ситуацию распада СССР. Безусловно, в Украинской ССР на определенном этапе на авансцену вышли местные, часто радикальные силы, выступающие за суверенность республики. Но без иницилирующей роли запущенного из центра перестроечного процесса вряд ли бы все это национальное движение оказалось возможным, во всяком случае в том масштабе, как это имело место быть.

Но, как указывает Солдатенко, революционное влияние шло не только по линии Россия – Украина, но и в обратном направлении. Революционные силы Украины были одними из самых мощных на всем пространстве бывшей Российской империи. Для данного региона, по оценке автора книги, была характерна более масштабная социализация и классовая поляризация, чем в других частях страны. Соответственно, украинская революционность в определенной мере задавала динамику всей российской революционности. «В данном контексте, – резюмирует автор, – можно уверенно говорить о достаточно масштабном влиянии украинского фактора на общероссийскую ситуацию» (С. 654).

Произошедшая далее Октябрьская революция нашла отражение и в революционных процессах внутри Украины, проявившись в решении насущных социальных проблем, установлении советской системы организации власти. Солдатенко показывает, насколько широко поддерживались внутри Украины советские силы, что не позволяет трактовать украинскую советизацию как навязываемое извне явление. В модернизированной виде схему, предложенную Солдатенко, можно представить триадой – Февральская революция – национальные революции – Октябрьская революция. Такая схема отличается от одномерных подходов концепций одной революции и развивает в важных аспектах теорию «двух революций». Украинская революция, по оценке Солдатенко, являлась не просто одним из эпизодов происходящих революционных трансформаций, а важнейшей составляющей в историческом переходе от февраля к Октябрю (С. 84–101).

Другим критикуемым автором подходом в современной украинской историографии является отрицание применимости к Украине понятия Гражданская война. На Украине имели место социальные и политические конфликты, подобные тем, которые проявились в Гражданской войне в России. Кроме того, украинские силы включались в борьбу на разных сторонах общероссийского масштаба между белыми и красными. Фронты Гражданской войны проходили через территорию Украины. Все это не позволяет, по мнению автора, вывести Украину за рамки Гражданской войны (С. 143–219). Очевидно, что такое выведение связывается с попыткой представления Украины отдельной от России страной, что исторически не получало подтверждения.

Автором развенчиваются некоторые из героев украинской национальной революции, как, например, гетман П.П. Скоропадский или С.В. Петлюра. Можно предположить, что они исходно действительно руководствовались идеей построения украинского национального государства. Но, не имея широкой демократической поддержки, они пошли в противостоянии большевикам на привлечение внешних сил в ущерб национальным интересам Украины: Скоропадский – Германии и Австрии, Петлюра – Польши (С. 260–292, 488–534).

Критикуется и деятельность Центральной Рады, провал которой объясняется запаздыванием решений по ключевым социальным вопросам. В то же время Солдатенко не склонен преувеличивать устремленность Центральной Рады к созданию суверенного украинского государства, полагая, что его цели ограничивались широ-

кой автономией. По его мнению, при опоре на массы еще летом 1917 г. Центральная Рада могла получить в переговорах с Временным правительством гораздо больше реальных полномочий, чем только декларативное провозглашение автономности Украины (С. 653–655).

Реализация задач украинского национального развития в рамках единого с Россией государства представляется автору вполне возможным и целесообразным при условии демократизации системы государственности. Национальное развитие оказывается в этой версии проявлением общей тенденции демократизации жизни. Временное правительство, несмотря на современное его позиционирование в качестве демократической институции, проводило, по оценке Солдатенко, великодержавную, шовинистическую политику (С. 655). Демократических перспектив для развития национального движения для Украины не было тем более при сценарии победы белых, придерживающихся лозунга сохранения единой и неделимой России. Она возникала при варианте ленинского плана федеративного государства. Предложенные Солдатенко оценки роли большевиков для Украины вступают в явное противоречие с современной антиленинской компанией, выражавшейся в переименовании улиц и сносе памятников.

Критически относится автор и к приобретающему сегодня популярность концепту «консервативной революции», связываемому в украинском контексте с гетманством П.П. Скоропадского. Суть того, что называют сегодня «консервативной революцией», раскрывается Солдатенко как «контрреволюция». Посредством фразы о «консервативной революции» лакируется, по его оценке, фактически контрреволюционная деятельность проигравших политическую борьбу сил (С. 250–252).

Октябрьская революция в противовес распространенным в современной историографии и российской, и украинской представлениям об исходной большевистской тоталитарности в представлениях автора книги была, во всяком случае в национальном вопросе, в сравнении с периодом власти Временного правительства дальнейшим шагом по пути демократизации, переходом на новую социалистическую стадию, олицетворяемую советской властью. Напротив, кадеты маркируются Солдатенко как сила контрреволюции. По его оценке, Партия народной свободы была исторически обречена на поражение и в 1917 г. в России и в 1918 г. на Украине. В использовании автором определения кадетов как партии «вчерашнего дня» отражается в целом его видение исторической развертки революции (С. 659).

В книге представлены многочисленные факты, показывающие популярность большевиков и советской власти в самом украинском обществе. Из этой фактической канвы следовал вывод, что большевизм не был для Украины проявлением российской экспансии, а внутренне принятой политической платформой. Более того, сама Гражданская война на Украине, как замечал Солдатенко, началась с репрессий против большевистско-советских сил. Не большевики развязали Гражданскую войну, а она была развязана против них на волне роста популярности левых идей. В этих условиях, как рассуждает Солдатенко, «было бы противоестественно... ждать от российской стороны, олицетворяемой СНК, дистанцирования от своих классовых собратьев в Украине, их борьбы с теми, кто явно оказывался по другую сторону баррикад» (С. 657). Предлагаемая сегодня версия советско-большевистской экспансии на Украину, таким образом, оказывается при обращении к исторической хронологии несостоятельной.

Между тем помимо большевиков на Украине в связке с ними действовали и другие левые силы, как, например, украинские левые эсеры – «боротьбисты» (С. 267, 282, 285, 461–462). Солдатенко подробно описывает эту часть политического спектра, и из этого описания складывается убедительная картина действительного преобладания в революции на Украине социальной темы над темой национальной.

Скептически относится Солдатенко к проекту объединения Украинской Народной Республики (УНР) и Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) в соборное государство. Объединяемые государства находились, по его оценке, на разных стадиях революционного процесса: УНР – социалистической, ЗУНР – буржуазно-национальной, и их объединение в рамках единой платформы было проблематичным. Кроме того, включение ЗУНР в единое украинское государство привело к расширению масштаба войны с Польшей, приведя к порогу ликвидации национальной государственности (С. 660–661). В применении к современной политической ситуации приходится констатировать, что раскол идентичностей различных частей Украины остается фактически главной проблемой украинской государственности².

Из рассмотрения автора, впрочем, выпала, или не была достаточно акцентирована распространенная в российской историографии и исторической публицистике, пользующаяся большой популярностью в российском обществе позиция о единой русской идентичности. Сообразно с ней украинский вопрос является не реальным вопросом национального строительства, а литературным вымыслом, политической технологией, инициированной в значительной степени извне для подрыва единства русских. Наиболее системно и резонансно такая позиция была заявлена в свое время в книге российского историка-эмигранта «второй волны» эмиграции Н.И. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма»³. При таком взгляде все федералистские проекты российско-украинских отношений оказывались лишены смысла и могли бы трактоваться со знаком минус.

Психологически понять популярную среди россиян позицию по украинскому вопросу – «мы единый народ», воспринимаемую в качестве позитивной повестки и проявления комплиментарности. Но, не уходя в проблематику этногенеза, необходимо заметить в этом случае, что для общности, считающей себя самостоятельным народом (вне зависимости от того, право оно или нет в этом самопозиционировании), нет, вероятно, большего раздражителя, чем позиция отрицания самостоятельности его существования. Может быть, автор книги сознательно купировал анализ данной позиции, как принципиально затрудняющей современный российско-украинский диалог.

Вместе с тем использование современных этнических идентификаторов применительно к прошлому с отличающейся системой идентичностей может привести к историческим деформациям. Остается исследовательской проблемой для исторической социологии определение степени распространенности в регионе идентификатора «украинец» в начале XX в., в периоды революции и Гражданской войны на Украине. Кризис характерной для традиционного общества религиозной идентичности (для Российской империи – православные) разрешался через смену идентификаторов, которые могли быть либо национальными, либо классовыми. Большевики в своей политике нациестроительства использовали национальные идентификаторы, такие, как «украинцы», но отдавали приоритет классовым – пролетариат, исходя из марксистского представления о временности национально-территориальных образований и отмене наций в перспективах движения к коммунизму. И автор книги блестяще показал переплетение национального и классового вопросов в реалиях революции и Гражданской войны на Украине, преобладании социальной темы над темой этнической. Вывод В.Ф. Солдатенко в этом отношении вполне определенный: «Деление не по национальному, а по классовому принципу стало наиболее важной реальностью развития революционных процессов в России в целом, с неотвратимостью обуславливая Гражданскую войну. И в этом ракурсе нет оснований счи-

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 255–258.

³ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966.

тать, что Украина “выпадала” из общего контекста, могла оказаться отграниченной, огороженной от поглощающих тенденций, то есть от вовлечения в Гражданскую войну, какой бы монолитной не представлялась этническая консолидация украинцев» (С. 658).

Книга украинского историка и общественного деятеля В.Ф. Солдатенко может рассматриваться в качестве культурного моста, связующего дистанцировавшиеся друг от друга Россию и Украины. Начавшийся с различий в интерпретации истории конфликт может быть преодолен также через историю, но не в конфронтационном, а в конвенциональном ее представлении. Книга важна еще и как исторический опыт выхода из кризисной ситуации, преодоления конфронтации гражданской войны и этнических конфликтов, анализа уроков прошлого в применении к дню настоящему.

Нельзя не отметить и личное мужество автора книги «В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе». Для историка Украины заявляемая позиция, имея в виду сложный внутривосточный контекст ситуации в стране, фактического воспроизводства описываемой в книге атмосферы Гражданской войны является определенным научным вызовом для радикальных политиков. Выражаем надежду, что исследования Валерия Федоровича Солдатенко по актуальной исторической проблеме будут продолжены, и новые книги увидят в ближайшее время свет и на Украине, и в России.

Поступила в редакцию / Received: 10.02.2021

References

- Bagdasaryan, V.E., and Resnyanskiy, S.I. “Centenary of 1917 Russian revolution in the focus of Anti-Russian historical propaganda.” *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 2 (2017): 303–322 (in Russian).
- Khantington, S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow: AST Publ., 2003 (in Russian).
- Ul'yanov, N.I. *Proiskhozhdeniye ukrainskogo separatizma*. New York: [N.s.], 1966 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

Vardan E. Bagdasaryan, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Department of the History of Russia in the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional University.

Бакаев Анатолий Александрович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, директор Института комплексной безопасности и специального приборостроения МИРЭА – Российского технологического университета.

Anatoly A. Bakaev, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Kandidat Yuridicheskoy Nauk [PhD in Law], Associate Professor, Director of the Institute for Integrated Safety and Special Instrumentation, MIREA – Russian Technological University.

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Sergey I. Resnyansky, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Russian History Department, RUDN University.